

Ирина Борисовна Фан

доктор политических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия. E-mail: Irina-fan@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-1816-9245

КОРРУПЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье анализируется проблема двойственного отношения общества к коррупции: формальное осуждение коррупции в публичном пространстве сочетается с ее легитимацией в повседневных практиках. Выявлено противоречие юридического подхода к определению коррупции, которое заключается в расширительной трактовке коррупционных практик, с одной стороны, и квалификации их как преступления – с другой. В статье показаны теоретические положения, возможности и ограничения концепций неопатримониализма и сословно-рентного порядка в России. С позиций антропологического подхода не корректно оценивать повседневные неформальные практики в модернизирующихся странах по стандартам развитых западных государств. Теоретико-методологические основы и возможности политической антропологии подразумевают учет следующих моментов: социального и культурного контекста бытия правовых норм; общих и специфических факторов, способствующих легитимации и воспроизводству коррупционных практик; наличия разных типов и моделей коррупционных и не коррупционных практик; позитивных эффектов практик, называемых коррупцией; признания коррупции в качестве одного из видов политического влияния; рассмотрения ролевого содержания и мотивации действий участников подобных практик: «покупателя» определенной государственной услуги, должностного лица (чиновника) и посредника. Политическая антропология выступает также в качестве инструмента анализа индустриальных и постиндустриальных обществ, сохранивших архаические модели поведения и влияния общества на власть. Такие особенности организации властных отношений характерны и для России. Политическая антропология способна учитывать укорененность тех или иных неформальных практик в традициях конкретной страны, национальной культуре и массовом сознании людей. Автор раскрывает эвристический потенциал политической антропологии в поиске критериев дифференциации коррупционных практик и возможности легализации некоторых из них.

Ключевые слова: коррупция, политическая антропология, легитимация, модернизирующиеся общества, коррупционные практики, архаичские модели поведения, неформальные нормы, неопатримониализм, политическое влияние, электоральная коррупция.

Многочисленные исследования фиксируют повседневный, рутинный характер коррупции, огромные масштабы ее распространения в модернизирующихся странах Африки, Азии, Латинской Америки, Восточной Европы. Констатируется и наличие коррупции в развитых странах. Говорят о коррупции как социальном институте и даже как о неотъемлемом качестве политических систем ряда стран. Не является исключением и Россия.

Однако очевидна двойственность при оценке коррупции: формальное осуждение, даже стигматизация коррупции органами государственной власти, СМИ и общественностью в публичном пространстве на уровне обыденного сознания, в повседневных практиках этих же акторов сопровождается социокультурной легитимацией и самой коррупции, и ее участников.

В российском публичном дискурсе о коррупции в настоящее время доминирует юридический подход. Ведущие юристы утверждают, что коррупция «охватывает такие виды правонарушений, как коррупционный лоббизм, коррупционный фаворитизм, коррупционный протекционизм, nepотизм, незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконное присвоение общественных ресурсов в личных целях, незаконная приватизация, незаконные поддержка и финансирование политических структур (партий и др.), вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, злоупотребление властью или должностным положением, совершаемое для удовлетворения корыстных интересов, использование информации, полученной с использованием служебного положения, в корыстных целях, “блат” (использование личных контактов для получения доступа к товарам, услугам, источникам доходов, привилегиям, оказание различных услуг родственникам, друзьям, знакомым) и др.» (Хабриева 2014: 23-24). В рамках широкого юридического подхода к определению коррупции, который может быть применен и к публичной, и к частной сфере, данное явление рассматривается «как противоправное использование должностным лицом своего поло-

жения в целях получения ненадлежащей выгоды для себя или третьих лиц, предоставления другими лицами такой выгоды, а также посредничества и иных форм содействия в совершении указанных деяний» (Хабриева 2014: 25). Таким образом, самые разные неформальные практики, сходные с коррупционными, юристы квалифицируют как коррупцию и редуцируют их значения к единственному – «преступлению», то есть нарушению определенных правовых норм.

Однако даже официальная статистика свидетельствует о том, что в коррупционные отношения вовлечено 54% населения современной России (Олимпиаева 2007: 218). Получается, что более половины населения страны – преступники?! Этот парадокс ставит перед альтернативой: наращивать арсенал органов принуждения, который в таких масштабах может уничтожить бизнес, экономику и много чего еще, либо разобраться в том, является ли коррупцией все, что мы ею называем, и пристально рассмотреть многообразие случаев, которые относят к коррупции.

Придерживаясь формального юридического подхода, невозможно понять ни данный парадокс, ни двойственность самого явления. Указанный подход не учитывает социальный и культурный контекст бытия правовых норм, исторически колеблющийся разрыв между социальной практикой и социальными нормами. Он сужает рамки исследования, поскольку оценивает происходящее в развивающихся странах по стандартам развитых западных государств, что изначально предопределяет результаты сравнения не в пользу первых. В основе юридического подхода и базирующейся на нем государственной политики – идея четкого разграничения публичной и приватной сфер жизни, связанная с концепцией рациональной бюрократии и парадигмой легально-рационального господства М. Вебера. Однако опыт показывает, что модернистская «западная» перспектива не может быть автоматически перенесена на западные общества и даже в самих западных странах существуют немодерные, традиционные, архаические социальные группы, практики и культуры.

В исследовании коррупции значительную роль играет концепция неопатримониализма, которая рассматривает проблему взаимодействия в развивающихся странах, в том числе в

России, традиционных и современных властно-управленческих структур и изменений, порождаемых подобным взаимодействием. Объединяя такие концепты, как неформальные институты, клиентелизм, ресурсно-распределительная система, клановость, nepотизм и другие, она позволяет анализировать сосуществование архаических, современных и постmodernных явлений, отношений и процессов. Отталкиваясь от тезиса о тождестве власти и собственности (М.Н. Афанасьев), сторонники этой концепции определяют политический порядок в России как неопатримониальный. Неопатримониальная модель государства характеризуется наличием класса рентоориентированных политических предпринимателей, частным использованием государственно-административных ресурсов, ключевую роль клиентарно-патронажных связей в экономике и политике (Фисун 2007: 23). Тем самым данная концепция вскрывает генезис, основу и особенности неопатримониального порядка в России: архаичный симбиоз власти и собственности – как фундамент Российского государства, иерархическую, центр-периферийную модель государственного управления и распределения ресурсов – как почву патрон-клиентских связей и масштабной коррупции.

Иные аспекты проблемы акцентируются в концепции рентно-сословного общества. Основой социальной структуры российского общества и предпосылкой образования сословий является объем доступа, роль и статус той или иной группы населения в механизмах рентного политического порядка и распределения ресурсов (Кордонский 2008). По мнению В.С. Мартыанова, коррупция выступает в качестве самого способа существования Российского государства, который помогает преодолеть взаимное наложение и противоположную направленность формальных норм, деклараций, институтов и реальных интересов политических акторов, представляющих те или иные органы государства. Формальные нормы (законы) адресуются низшим сословиям российского общества, а неформальные – высшим и государственным служащим. Высшие сословия присваивают себе право на исключение из сферы действия норм и законов, нарушая их, извлекая выгоду. Действует двойная система правил – для всех (как чужих) и для избранных (корпорации высших и средних государственных служа-

щих). Многие ведомства Российского государства наделены функциями контроля – проверки, разрешения или запрета, что создает условия для коррупционных сделок. То, что на языке современного общества именуется коррупцией, заложено в саму модель Российского государства в качестве легитимной сословной (статусной) ренты для «служилого» сословия. Одновременная коррупция – это еще и способ снижения транзакционных издержек со стороны общества и бизнеса (Мартьянов 2016: 36-37). «...Злоупотребление государственной властью и должностными ресурсами ради извлечения личной выгоды является в сословно-рентной перспективе не противозаконной коррупцией, а санкционированным политическим принципом (политической группировкой, действующей от имени государства) правом агента (члена этой группировки или иного чиновника) на легитимное нарушение правил ... сама легитимация статусной ренты (коррупции) является для общества архаизирующей: она предполагает отказ агентов государства и граждан от эквивалентных обменов ресурсов (налогов) на государственные услуги и блага в пользу традиций дарообменных процессов» (Мартьянов 2016: 33, 34). Коррупция в современном смысле слова в России отсутствует, поскольку политическая коррупция легализована, бывшие расхитители государственной собственности и приватизаторы общественных ресурсов суть само государство (С. Кордонский). В то же время условия для низовой коррупции серьезно ограничены, каналы взаимодействия населения и власти закрыты как представляющие коррупционный потенциал. Это позволяет говорить о сегрегации – политике отделения граждан от государства (Фишман 2016: 49). Концепция рентно-сословного общества описывает реальную, во многом архаичную структуру российского общества, наложение современного и домодерного порядка. Однако за пределами ее объяснения остаются исторические, культурно-символические и личностные факторы, повлиявшие на формирование такого общества. Остается не вполне проясненным вопрос о том, «порчей» чего является то, что называется коррупцией: «порчей» современных институтов, норм и процедур, сталкивающихся с российскими теневыми экономическими и политическими практиками, доставшимися по наследству от имперской России и СССР, или «порчей» традиционного российского социального уклада под

давлением «чуждых» западных стандартов и ценностей? Истину, вероятно, следует искать с учетом сложных, стихийно возникающих и неопределенных последствий взаимодействия современных и доmodernых тенденций. Возможно, мы, как это уже бывало в истории и культуре, даем неадекватное название («порча») процессу прорастания нового в старом...

Концепции неопатримониализма и рентно-сословного общества дополняют друг друга и выявляют основу, характер и особенности социального и политического порядка в нынешней России, акцентируя внимание на экономических, политических и социальных аспектах коррупции. Однако они не дают критериев различения коррупционных и некоррупционных отношений и практик, не конструируют их модели, не исследуют мотивацию действий и культурно-символические системы участников данных отношений, не показывают социальные и моральные последствия влияния коррупционных и некоррупционных моделей отношений и практик на культуру общего блага.

Антропологи считают, что сложно сравнивать социальные практики в разных странах, характерные для различных периодов времени. Такие практики различаются по множеству параметров: а) по наличию (или отсутствию) разделения публичной и частной сфер; б) степени зависимости законодательства от политики; в) исторической динамике норм; г) по критериям легальности, влияющим на оценку практик и т.д. Все эти факторы влияют на оценку той или иной практики как коррупционной или нормальной. В незападных модернизирующихся обществах существует конфликт между западными и традиционными ценностями и нормами, между сверхцентрализованной логикой бюрократической системы и локальными социокультурными логиками; этот конфликт определяет характер норм и государственного управления. Западная по происхождению концепция государственного управления, внедряемая в развивающихся странах, например в Индии, накладывается на историческое наследие и обусловленные им неформальные порядки. Здесь часто складывается ситуация, когда законные процедуры не являются наиболее рациональными, но имеют значительные издержки. Параллельно официальным существуют фактические неформальные правила и процедуры, передаваемые из поколения в поколение. Эта двойственность и придает

характер практикам. К тому же практики, оцениваемые как незаконные и коррупционные, имеют и позитивный эффект: они гуманизируют функционирование бюрократии.

Антропологический подход переносит внимание исследователей от обвинения к анализу. Этот подход постепенно утверждается в ряде социальных наук в России. Так, определением методологических и парадигмальных оснований собственной науки занимаются представители юридической антропологии, предметом которой является «правовое бытие человека во всей его многогранности» (Костокрызов 2017: 87). Антропологи обращают внимание и на нелегальные, и на нелегитимные практики, исследуя их с помощью мягких, непрямых методов – наблюдения, изучения неформальных разговоров людей, анекдотов, признаний и обвинений, неформальных интервью. На поверку коррупция часто оказывается не там, где ее ищут. Политическая антропология может выступать в качестве инструмента анализа властных отношений в обществах, сохранивших архаические модели поведения людей, в том числе в индустриальных и постиндустриальных системах. Это относится и к России, поскольку «архаические принципы организации властных отношений продолжают определять российскую политическую культуру» и поведение (Бочаров 2006: 45).

К числу познавательных инструментов в рамках политической антропологии относится способ воссоздания систем ценностей и культурных кодов, которые ведут к оправданию коррупции со стороны людей, вовлеченных в коррупционные практики, а также изучение социальных механизмов коррупции, неформальных социальных норм, детерминирующих реальное поведение людей. Главное здесь заключается в том, что критерии коррупционности тех или иных действий определяются представлениями и оценками самих участников соответствующих практик, их культурой и социальными характеристиками. Для антропологического подхода близка методология, связанная со сближением теории государственной (общественной) службы (*public administration*) и концепции «множественных современностей» (*Multiple Modernities*), в основе которой лежит «...принцип разграничения узкой сферы универсальности и широкого разнообразия национальных моделей современности» (Паин, Шарафутдинов 2017: 100). Этот принцип

порожден в процессе осознания противоречия между уникальностью западной политической культуры и ролью Запада в качестве модельного образца для развивающихся стран. Данное противоречие было принято социальными науками при исследовании процесса деколонизации этих стран, а также включены их в процесс модернизации со значительной спецификой в формах, темпах и последовательности стадий модернизации. Широко распространен тип стран с гибридными политическими режимами и многоукладной системой экономических и социально-культурных отношений. Так, в восточных обществах все еще сохраняются клановые традиции и патрон-клиентские отношения, которые пронизывают иерархию государственной службы. Этот тип отношений имеет негативные последствия в виде коррупции, но одновременно выполняет некоторые позитивные функции в социально-бытовой сфере.

Одним из примеров применения антропологического подхода является исследование коррупционных практик в Африке Оливером де Сарданом. Он ввел понятие моральной экономики как коррупционного комплекса, то есть ряда незаконных практик, отличающихся от прямой коррупции, но имеющих с ней сходство: связь с исполнением государственных функций и противоречия с официальной этикой служения общественному благу. Эти практики дают возможность особого использования формальных обязанностей в частных (личных, семейных, групповых, корпоративных) интересах. Коррупционный комплекс составляет не только коррупция в узком смысле слова, то есть взяточничество, но и nepotизм, злоупотребление властью, ложь, хищение и различные формы растраты казенных ресурсов, торговля влиянием, покупка акций осведомленными лицами, незаконное использование общественных средств и др. (Сардан 2007: 86-87). Данный коррупционный комплекс стал повсеместно представленным и рутинным элементом функционирования государственного аппарата и сфер, так или иначе связанных с ним. В зависимости от акторов и масштабов коррупционных практик Сардан выделяет два типа коррупции: «матерую» – распространенную среди государственной верхушки, и «мелкую, низовую». Общим фактором, детерминирующим первый тип коррупционных практик, выступает неопатримониализм, позволяющий государственной элите

выкачивать общественные ресурсы (Сардан 2007: 89). Тип мелкой коррупции нацелен на использование административной системы для решения различных частных проблем. Оба типа образуют два полюса в едином континууме отношений. Практики в ряду «коррупционного комплекса» самими их участниками оцениваются как легитимные. С их точки зрения, граница между тем, что является коррупцией, и тем, что нет, неустойчива, она постоянно колеблется в зависимости от социального контекста. Люди, вовлеченные в неформальные практики, как правило, оправдывают то, чем сами занимаются, и осуждают других: «Коррупция – это то, чем занимаюсь не я». Отсюда релятивизм в оценке, зависящий от субкультуры и социальной позиции, которую занимает человек.

Рассмотрение каких-либо действий с точки зрения исключительно юридического подхода «преступление – не преступление» или в рамках дихотомии «осуждение – оправдание» не эффективно. Необходимо выявлять набор практик, создающих условия для распространения и укоренения коррупции. Существуют практики, негативные с точки зрения закона, но позитивные с позиций повседневных социальных норм. Сардан указывает следующие виды практик, или логик повседневного поведения людей, которые показывают культурную укорененность коррупционного комплекса в африканских странах: 1) логика договоренностей (в условиях наложения старых и новых законов, формальных и неформальных норм); 2) логика дарения; 3) логика сплоченной сети (человек пользуется сетью обмена услугами вместо прямой взятки); 4) логика хищнической власти (вымогательство должностных лиц по отношению к объектам власти, ассимиляция аппаратом своего властного положения с правом взимать дань); 5) логика перераспределительного накопления (патримониализм создает возможность перераспределения ресурсов, поскольку воспроизводит традиционные схемы и представления о тождестве собственности и власти государства и правителя) (Сардан 2007: 100-110). Все логики, то есть конфигурации неформальных социальных норм, влияют на мотивацию и установки поведения индивида, способствуют рутинизации и культурной легитимации коррупции.

Моделью практик, называемых коррупционными, является транзакция, в которой одна сторона обменивает некоторое

материальное благо или ресурс (например, родственные связи) на получение определенной степени влияния на желательное решение того или иного органа государственной власти (Скотт 2007: 24). Эта сторона – «покупатель» – может стремиться получить статус (почетный титул), должность (власть), контракт на поставки (богатство) или какую-то комбинацию из этих благ. В этой модели содержатся основные признаки транзакции. Для коррупционной сделки важна роль побуждающих мотивов. В случае доминирования негативных мотивов в данной сделке, например угрозы наказания, лишения прибыли или контракта, ее можно определить как вымогательство. Коррупция иногда выступает в качестве альтернативы вымогательству.

Исследователи неформальных отношений в развивающихся странах указывают на позитивные эффекты практик, именуемых коррупционными.

1. Коррупция помогает снизить налоги. Граждане подкупают мелких чиновников, вместо того чтобы создавать большие ассоциации для защиты экономических интересов на политическом уровне, например на стадии подготовки и принятия законов.

2. Коррупция смягчает действие законов. Законы остаются формальностью там, где они часто меняются. Проще подкупить чиновника при исполнении закона, чем финансировать новую компанию по изменению законодательства.

3. Коррупционные практики (подкуп чиновника, неформальные каналы влияния на власть и т.п.) позволяют уменьшить степень дискриминации меньшинств, исключенных из политического сообщества. К тому же неформальные пути влияния освящаются традициями, сложившимися в доколониальный и колониальный периоды истории подобных стран.

4. Коррупция является стратегией выживания при авторитарных режимах. Неформальные отношения дают ощущение социальной защищенности («крыши»).

5. Коррупция может быть использована для противодействия результатам другой коррупции. Зачастую коррупционные практики выполняют функцию «смазки» бюрократической машины, помогая ускорить работу этого механизма или обойти необязательные, нелепые или ограничивающие правила, процедуры, инструкции.

Политическая антропология открывает возможность исследования ролей каждого из участников коррупционного взаимодействия. Вырисовываются характеристики типов «покупателя» определенной государственной услуги (предпринимателя, рядового гражданина), должностного лица (чиновника), а также посредника в коррупционных сделках. Вот один пример. Г. Андерс описывает, как чиновник в Малави работает в ситуации наложения разных нормативных порядков: официальных законов, родственных связей и неофициального кодекса поведения. Неопределенность и напряженность существования чиновника, возникающие вследствие этого, предъявляют особые требования к его личностным и профессиональным качествам. Конфликт между строгими формальными правилами и неформальными связями (гибкими, аффективными, конкретными) уравнивается служебными связями, представляющими неофициальный кодекс взаимодействия государственных служащих (Андерс 2007: 137).

С позиции политической антропологии интересно рассмотреть неформальные практики и отношение к ним в России. Массовые представления россиян о коррупции, на наш взгляд, аналогичны представлениям народа азанде о колдовстве как причине любых неудач и неблагоприятного стечения обстоятельств. Последние описаны классиком антропологии Э. Эвансом-Притчардом в книге «Колдовство, оракулы и магия у азанде» (1976). Вера в колдовство и происки колдунов помогает африканцам переопределить ситуацию, приспособиться к ней, разрешить конфликты. Российским вариантом веры в колдовство выступает конспирология, связанная с поисками внешних и/или внутренних врагов. Нечто похожее происходит и с представлениями о коррупции как универсальном объяснении любых внутривнутриполитических проблем. Закрытость политической элиты и государственного аппарата вызывает подозрения населения в коррупционности власти. Представления о всеохватности, вечности, фатальном характере коррупции становятся средством интерпретации любой деятельности чиновников. Это порождает ощущение бессмысленности борьбы с коррупцией, невозможности ее преодоления, апатию и бездействие. Личная вовлеченность в воспроизводство коррупции оправдывается распространением коррупционных практик на уровне всего

общества. «Достаточно убеждения в том, что коррупция пронизывает все слои общественной жизни, чтобы начать коррупционную практику» (Седлениекс 2007: 200). Однако не все действия чиновников и лиц, взаимодействующих с ними, следует расценивать как коррупционные. Существуют практики, сходные с коррупционными, но не являющиеся коррупцией в узком смысле. К таковым относятся, например, кумовство и nepотизм.

Агентами системы «колдовства» у народа азанде предстают «благородные колдуны». Их аналогом в системе коррупции можно считать посредников коррупционных связей между экономическими акторами и чиновниками, принимающими решения. Эти посредники-«колдуны» не рассматривают свои действия как коррупционные. «Коррупционная сделка осуществляется акторами, считающими себя либо субъектами, действующими в ответ на коррупционность чиновников, либо жертвами нечестной системы. Они не чувствуют себя инициаторами коррупционной практики, а только реагирующими» (Седлениекс 2007: 202). Возникает круговорот коррупционного реагирования, начало которого отодвинуто в неопределенное прошлое, а инициаторы не видны; отсюда и всеобщая безответственность. Даже изобретение коррупционных схем расценивается не как активная коррупционная деятельность, но лишь как ответный ход в определенной игре-войне. С точки зрения вовлеченных в этот круговорот, ситуация, когда кто-то не берет взятки, невозможна. Легитимация собственного участия в коррупции опирается на аргументацию, связанную с необходимостью выживания: в целях выживания допустимы любые средства, в том числе активные наступательные действия, включая коррупционные.

Концептуальные положения, методы и эмпирические исследования политической антропологии обладают эвристическим потенциалом для анализа российской действительности, для понимания причин примирения общества с распространением коррупции и избирательности правосудия в отношении коррупционеров. Однако нужен предварительный теоретический анализ общих и специфических для нашей страны факторов, способствующих легитимации и воспроизводству коррупционных практик на уровне политической элиты и рядовых граждан, а также требуются всесторонние исследования рутинных механизмов неформальных практик.

Общие факторы присущи всем модернизирующимся (постколониальным, посткоммунистическим и т.п.) государствам и обществам. Важную роль играет ценностное противоречие в культуре такого рода обществ – разрыв между официальной риторикой обвинения коррупции и оправданием ее на практике. Декларируемая оценка незаконности коррупции вполне уживается с безнаказанностью тех, кто ее практикует. Особенно явно проявляется данное противоречие в деятельности должностных лиц, которые состоят в различного рода государственных и общественных органах по борьбе с коррупцией. Это мотивирует людей к участию в неформальных практиках и воспроизводству коррупционных отношений. На уровне мелкой коррупции безнаказанность и оправдание связаны с тем, что в нее включены люди, состоящие между собой в родственных связях. Но «круговая порука» действует и в среде политической элиты, где, как известно, «своих не сдают». Оба типа коррупционных практик препятствуют правосудию и достижению целей общественного блага.

Коррупционные практики обладают кумулятивным и экспансионистским характером, что ведет к их укоренению в социальных нормах, возникновению *коррупционной культуры*. Ее распространению способствуют институциональные и иные факторы, такие как неэффективность государственного управления, некомпетентность аппарата государства, безответственность и алчность должностных лиц, формально проводимая антикоррупционная политика, отсутствие у чиновников ориентации на обеспечение общественного блага и способности действовать во имя его, тотальная установка на приватизацию ресурсов государства и корпоративные интересы государственного аппарата. Все это является следствием и неотъемлемой чертой установившегося политического порядка. Последнему свойственно противоречие между формальными нормами внешне современных политических институтов и неформальными практиками их функционирования (Фан 2017: 67).

Еще один фактор – специфика в возникновении новой бюрократии. Сворачивание автономии органов местного самоуправления, произошедшее в России в последние 15–20 лет, ставит назначенцев в соответствующие органы по воле центра (например, глав города или администрации) в положение,

сходное с ситуацией постколониальной администрации африканских государств. Там администрация рекрутировалась бывшими колонизаторами из местной элиты. Новые администрации усиленно занимаются использованием своих привилегий и укреплением своего статуса в возможно короткие сроки (Сардан 2007: 94). Фактическое отсутствие собственности у муниципальных образований в России, политической и финансовой автономии органов местного самоуправления, чрезмерное регулирование вопросов местного значения со стороны региональных и федеральных властей – все это не дает возможности формирования *культуры общего интереса*, ведет к исключению местных жителей из системы управления, принятия тех или иных решений и, в итоге, из совладения страной. Это же вынуждает их решать свои проблемы с помощью неформальных отношений с вышестоящими должностными лицами.

Трудно переоценить влияние политики как системы воспроизводства властных отношений, управления и распределения общественных ресурсов на уровень коррупции в той или иной стране. Историческая эволюция политической системы и ее актуальные характеристики также создают различные условия для взаимодействия общества (бизнеса) и власти, они ограничивают набор альтернатив для политического влияния общества на власть. Такие ограничения особенно характерны для слаборазвитых стран. Одним из факторов, определяющих возможность влияния общества на власть, являются политические изменения – наличие или отсутствие соревновательности в политической системе, то есть политической конкуренции, оппозиции и т.д. Другим фактором выступают качества избирателя: уровень бедности, степень его зависимости от государства. Так, подкуп избирателей в одних странах считается коррупцией, а в других – нет. В слаборазвитых странах, находящихся в состоянии социальных перемен и дезорганизации, электорат в большой степени манипулируем.

Политика в России сегодня стала ключевым звеном в системе формирования коррупционных связей и отношений. Многие коррупционные схемы требуют «политического прикрытия»; коррупция связана с механизмами воспроизводства политической власти, в том числе с выборами и избирательным процессом. Электоральная коррупция – «часть политиче-

ской коррупции, направленной на искажение результатов выборов, обеспечение незаконными способами победы для одних претендентов (условно “своих”) на властные посты и создание препятствий для других (“чужих”) претендентов» (Ковин, Панов, Подвинцев 2016: 144). В основе электоральной коррупции лежит подкуп лиц, обладающих «электоральным статусом» и участвующих в избирательном процессе; цель подкупа – влияние на результаты выборов в интересах инициатора коррупционной сделки. «Коррупционным потенциалом» обладают кандидаты, избиратели, члены избирательных комиссий разного уровня, руководство и рядовые сотрудники СМИ, работники правоохранительных органов, доверенные лица и уполномоченные представители кандидатов и партий. Получая некие блага от коррупционера, участники избирательного процесса меняют направление поведения, требуемое от них законодательством, социальными нормами и ожиданиями избирателей. «Помимо непосредственного влияния на итоги выборов негативные последствия электоральной коррупции заключаются в том, что она искажает реальное соотношение политических сил в обществе, реальную политическую конкуренцию, нарушает социальное, групповое, идеологическое представительство избираемых органов власти, в конечном итоге их легитимность, отрывает формальный результат выборов от реального волеизъявления избирателей» (Ковин, Панов, Подвинцев 2016: 151).

По мнению Джеймса Скотта, коррупция представляет собой один из видов политического влияния, а не только злоупотребление должностью, нарушающее общественные нормы (Скотт 2007: 32). В соревновательных политических системах модели политического влияния имеют институционализированную, легитимную форму. В других политических системах в подобных моделях есть нарушения формальных стандартов официального поведения. Условия большинства развивающихся стран ограничивают набор легитимных путей влияния на органы государственной власти и направляют его в противозаконное русло. Когда действуют такие ограничения, попытки влияния на решения власти и механизмы их исполнения направляются в теневую сферу. Представляется, что в России неформальный способ решения острых социальных проблем широко распространен. Вместо развития демократических институтов, наполнения их

диалоговыми формами взаимодействия общества и власти происходит делегализация и криминализация попыток отдельных граждан и социальных групп донести до власти свои запросы и представления о путях решения тех или иных проблем. В последние годы государство подавляет любую низовую активность населения, ограничивая конституционные права граждан на политическое участие (Фан 2018: 273-286).

Исследования подтверждают, что в России присутствуют основные виды повседневных практик (или логик), описанных О. де Сарданом: логика договоренностей, логика дарения, логика сплоченной сети, логика хищнической власти, логика перераспределительного накопления. Многие из них имеют пограничный характер – нелегальный, но легитимный с точки зрения повседневности. Предполагаем, что первая, четвертая и пятая логики наносят больший удар по социальному благу. Можно отметить, что если общие факторы воспроизводства коррупции отечественной политической наукой во многом изучены, то практики коррупционного комплекса ждут более тщательного изучения. Это путь выработки критериев для различения допустимых практик и недопустимых, требующих реального правового осуждения. Понятие коррупции в современной и традиционной интерпретации обладает разными значениями и смыслами, отражая специфику современных, архаичных и гибридных – преобладающих в развивающихся (или деградирующих?) странах – практик.

Методы политической антропологии могут придать концепциям неопатримониализма и сословно-рентного порядка дополнительные возможности, поскольку способны учитывать укорененность тех или иных практик в социальных и политических традициях конкретной страны, веками сохраняющихся в национальной культуре и массовом сознании людей. Так, необходимо дальнейшее изучение специфики клановых традиций в разных регионах России и их взаимодействие с патрон-клиентскими отношениями. Конечной целью этих исследований применительно к проблеме коррупции может стать дифференциация узкокоррупционных практик, к которым и необходимо применять правовые методы противодействия, и практик вынужденных, адаптационных, лишь сходных с коррупционными. Политическая антропология стремится осмыслить социальные,

культурные, институциональные и иные факторы, детерминирующие возникновение и динамику коррупции, многообразие данного явления, иногда ставя под сомнение оценку тех или иных практик как коррупционных. Она ведет поиск критериев различения коррупционных и некоррупционных практик и отношений, анализирует их модели, выявляя ролевое содержание и мотивацию действий участников данных отношений.

Материал поступил в редколлегию 25.11.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андерс Г. 2007. Подобно хамелеонам: госслужащие и коррупция в Латвии // Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход в изучении коррупции / сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. СПб. : Алетейя. С. 121-152.

Бочаров В.В. (ред.) 2006. Антропология власти. В 2 т. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе : хрест. по полит. антропологии / сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та. 491 с.

Ковин В.С., Панов П.В., Подвинцев О.Б. 2016. К вопросу о содержании понятия «электоральная коррупция» // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 143-153.

Кордонский С.Г. 2008. Сословная структура постсоветской России. М. : Ин-т Фонда «Обществ. мнение». 216 с.

Костогрызов П.И. 2017. Юридическая антропология в поисках парадигмы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 17, вып. 4. С. 81-99.

Мартьянов В.С. 2016. Коррупция и сословно-статусная рента в России // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 31-48.

Олимпиева И.Б. 2007. Фоновая коррупция в сфере малого и среднего бизнеса: «оружие слабых»? // Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход в изучении коррупции / сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. СПб. : Алетейя. С. 217-235.

Паин Э.А., Шарафутдинова Д.Э. 2017. Множественная современность: особенности бюрократической иерархии и коррупции в обществах с клановыми традициями // Обществ. науки и современность. № 2. С. 91-103.

Сардан О. де. 2007. Моральная экономика коррупции в Африке? // Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход в изучении коррупции / сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. СПб. : Алетейя. С. 83-107.

Седлениекс К. 2007. Параллель между Латвией и Азанде: коррупция как колдовство в латвийском обществе переходного периода //

Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход в изучении коррупции / сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. СПб. : Алетей. С. 191-212.

Сиссенер Т.К. 2007. Феномен коррупции в антропологической перспективе // *Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход в изучении коррупции / сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. СПб. : Алетей. С. 56-79.*

Скотт Дж. 2007. Анализ коррупции в развивающихся странах // *Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход в изучении коррупции / сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. СПб. : Алетей. С. 7-42.*

Фан И.Б. 2017. Массовый гражданин и политический порядок в России // *Вопросы управления. № 3 (46). С. 63-70.*

Фан И.Б. 2018. Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы. Екатеринбург : Урал. ин-т управления – филиал РАНХиГС. 332 с.

Фисун А. 2007. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, полномочия // *Отечеств. записки. № 6 (39). С. 8-28.*

Фишман Л.Г. 2016. Борьба с коррупцией как политика сегрегации // *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 49-58.*

Хабриева Т.Я. (ред.) 2014. Коррупция: природа, проявления, противодействие / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М. : Издат. Дом «Юриспруденция». 688 с.

Irina B. Fan, Doctor of Political Science, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, Russia. E-mail: Irina-fan@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-1816-9245

CORRUPTION AS A PROBLEM OF POLITICAL ANTHROPOLOGY

Abstract. The article analyzes the problem of society's ambivalence towards corruption: the formal condemnation of corruption in the public space is combined with its legitimization in everyday practices. The contradiction of the legal approach to the definition of corruption, which is the broad interpretation of corrupt practices, on the one hand, and their qualification as crimes, on the other, is revealed. The article shows the theoretical positions, possibilities, and limitations of the concepts of neopatrimonialism, and the estate-rent order in Russia. From the standpoint of an anthropological approach, it is not correct to evaluate everyday informal practices in modernizing countries according to the standards of developed western countries. Theoretical and methodological foundations and possibilities of political anthropology imply consideration of the following items: the social and cultural context of the existence of legal norms; general

and specific factors contributing to the legitimation and reproduction of corrupt practices; availability of different types and models of corrupt and non-corrupt practices; the positive effects of practices called corruption; recognizing corruption as a type of political influence; consideration of the role content and motivation of actions of participants in such practices: the “buyer” of a certain state service, an official, and an intermediary. Political anthropology also serves as a tool for analyzing industrial and post-industrial societies that have preserved archaic patterns of behavior and the influence of society on power. Such features of the organization of power relations are characteristics of Russia as well. Political anthropology is able to take into account the rootedness of certain informal practices in the traditions of a particular country, national culture, and mass consciousness of people. The author reveals the heuristic potential of political anthropology in the search for criteria for the differentiation of corrupt practices, and the possibility of legalizing some of them.

Keywords: corruption; political anthropology; legitimation; modernizing societies; corrupt practices; archaic behaviors; informal norms; neo-patrimonialism; political influence; electoral corruption.

References

Anders G. *Podobno khameleonam: gossluzhashchie i korruptsiya v Malavi* [Like chameleons: Civil servants and corruption in Malawi], *Olimpieva I.B., Pachenkov O.V. (comp. and resp. eds.) Bor'ba s vetryanyimi mel'nitsami? Sotsial'no-antropologicheskii podkhod v izuchenii korruptsii*, St. Petersburg, Aleteyya, 2007, pp. 121-152. (in Russ.).

Bocharov V.V. (ed.) *Antropologiya vlasti. V 2 t. T. 1. Vlast' v antropologicheskome diskurse : khrestomatiya po politicheskoy antropologii* [Anthropology of power, in 2 vols., vol. 1], St. Petersburg, Izd-vo S. Peterburg. universiteta, 2006, 491 p. (in Russ.).

Fan I.B. *Massovyy grazhdanin i politicheskii poryadok v Rossii* [Mass citizen and political order in Russia], *Voprosy upravleniya*, 2017, no. 3 (46), pp. 63-70. (in Russ.).

Fan I.B. *Politicheskaya ontologiya rossiyskogo grazhdanina: sodержanie protiv formy* [Political ontology of a Russian citizen: content versus form], Ekaterinburg, Ural. institut upravleniya – filial RANKhiGS, 2018, 332 p. (in Russ.).

Fishman L.G. *Bor'ba s korruptsией kak politika segregatsii* [Fighting corruption as policy of segregation], *Rudenko V.N. (red.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 49-58. (in Russ.).

Fisun A. *Postsovetskie neopatrimonial'nye rezhimy: genesis, osobennosti, polnomochiya* [Post-Soviet neo-patrimonial regimes: genesis, peculiarities, powers], *Otechestvennye zapiski*, 2007, no. 6 (39), pp. 8-28. (in Russ.).

Habrieva T.Ya. (ed.) *Korruptsiya: priroda, proyavleniya, protivodeystvie* [Corruption: nature, manifestations, opposition], Moscow, Izdatel'skiy Dom «Yurisprudentsiya», 2014, 688 p. (in Russ.).

Kordonskiy S.G. *Soslovnaya struktura postsovetskoy Rossii* [Structure of estates of post-Soviet Russia], Moscow, Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2008, 216 p. (in Russ.).

Kostogryzov P.I. *Yuridicheskaya antropologiya v poiskakh paradigmy* [Legal anthropology in search for a paradigm], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 81-99. (in Russ.).

Kovin V.S., Panov P.V., Podvintsev O.B. *K voprosu o sodержanii ponyatiya «elektoral'naya korruptsiya»* [The problem of content of «electoral corruption» concept], *Rudenko V.N. (ed.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 143-153. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Korruptsiya i soslovno-statusnaya renta v Rossii* [Corruption and caste revenue], *Rudenko V.N. (red.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 31-48. (in Russ.).

Olimpieva I.B. *Fonovaya korruptsiya v sfere malogo i srednego biznesa: «oruzhie slabykh»?* [Background corruption in the field of small and medium business: “weapons of the weak”?], *Olimpieva I.B., Pachenkov O.V. (comp. and resp. eds.) Bor'ba s vetryanymi mel'nitsami? Sotsial'no-antropologicheskii podkhod v izuchenii korruptsii*, St. Petersburg, Aleteyya, 2007, pp. 217-235. (in Russ.).

Pain E.A., Sharafutdinova D.E. *Mnozhestvennaya sovremennost': osobennosti byurokraticheskoy ierarkhii i korruptsii v obshchestvakh s klanovymi traditsiyami* [Plural modernity: features of bureaucratic hierarchy and corruption in societies with clan traditions], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2017, no. 2, pp. 91-103. (in Russ.).

Sardan O. de. *Moral'naja jekonomika korruptcii v Afrike?* [A Moral Economics of Corruption in Africa?], *Olimpieva I.B., Pachenkov O.V. (comp. and resp. eds.) Bor'ba s vetryanymi mel'nitsami? Sotsial'no-antropologicheskii podkhod v izuchenii korruptsii*, St. Petersburg, Aleteyya, 2007, pp. 83-107. (in Russ.).

Scott J.C. *Analiz korruptcii v razvivajushhihsja stranah* [The Analysis of Corruption in Developing Nations], *Olimpieva I.B., Pachenkov O.V. (comp. and resp. eds.) Bor'ba s vetryanymi mel'nitsami? Sotsial'no-antropologicheskii podkhod v izuchenii korruptsii*, St. Petersburg, Aleteyya, 2007, pp. 7-42. (in Russ.).

Sedlenieks K. *Parallel' mezhdur Latviev i Azande: korruptsiya kak koldovstvo v latviyskom obshchestve perekhodnogo perioda* [Latvian-Azande Parallel: Corruption as witchcraft for Latvia during the transition], *Olimpieva I.B., Pachenkov O.V. (comp. and resp. eds.) Bor'ba s vetryanymi mel'nitsami? Sotsial'no-antropologicheskii podkhod v izuchenii korruptsii*, St. Petersburg, Aleteyya, 2007, pp. 191-212. (in Russ.).

Sissener T.K. *Fenomen korruptcii v antropologicheskoy perspektive* [Anthropological perspectives on corruption] *Olimpieva I.B., Pachenkov O.V. (comp. and resp. eds.) Bor'ba s vetryanymi mel'nitsami? Sotsial'no-antropologicheskii podkhod v izuchenii korruptsii*, St. Petersburg, Aleteyya, 2007, pp. 56-79. (in Russ.).